

Н. П.). Может быть, навеяно тогдашними разговорами. В то время... Москва шла более реально, нежели Петербург...»¹⁶ В этих словах Некрасов, по нашему мнению, не столько «хотел косвенно указать, что стихи написаны под впечатлением политической проповеди Герцена, прозвучавшей в его спорах с Грановским»,¹⁷ сколько прямо характеризовал позицию «москвичей» (В. П. Боткина, Н. Х. Кетчера, К. Д. Кавелина, Е. Ф. Корша и др.) как более реальную (практическую), чем позиция «петербуржцев», ориентированных именно на идеологический (т. е. «идеальный»), а не на «материальный» (он же «утилитарный») результат, отстаивавшийся «москвичами».¹⁸

Позже, вспоминая этот перелом в убеждениях, пережитый им в юности, Некрасов, по свидетельству А. С. Суворина, признавался: «Идеализма было у меня пропасть, того идеализма, который шел вразрез с жизнью. И я стал убивать его в себе и стараться развить в себе практическую сметку. Идеалисты сердили меня, жизнь мимо них проходила, они в ней ровно ничего не смыслили, они все были в мечтах, и все их эксплуатировали. Я редко говорил в их обществе, но когда напивался вместе с ними — на это все мастера были, я начинал говорить против идеализма со страшным цинизмом... Я все отрицал... и проповедовал жестокий эгоизм и древнее правило: око за око и зуб за зуб».¹⁹ «Я дал себе слово не умереть на чердаке. Нет, думал я, будет и тех, которые погибли прежде меня, — я пробьюсь во что бы то ни стало. Лучше по Владимирке пойти, чем околевать беспомощным, забитым и забытым всеми. И днем и ночью эта мысль меня преследовала, от нервного волнения я подпрыгивал на своей кровати, и голова горела, как в горячке. Я мучился той внутренней борьбой, которая во мне происходила: душа говорила одно, а жизнь совсем другое».²⁰

И юноша убежденно бросил все свои дарования на жертвенник жизненного самоутверждения. Низовой читатель жаждал «иметь свое удовольствие» от авантюрных «сказок», сработанных под «Бову Королевича», «Конька-Горбунка» и пересыпанных «кучерявыми» присказками вроде «Русских сказок» Казака Луганского, Некрасов сотнями стихов выдавал востребованное поляковскими и ивановскими изданиями чтиво. Лавочник-грамотей любопытствовал «шутеющими» суждениями о «славном Питембурхе» и решными куплетами лавочного зазывалы — молодой поэт с успехом «потрафлял» вкусам этой публики. Завсегдатай «Александринки» и трактиров «со всегда свежими номерами столичных газет и журналов»²¹ заказывал литературному рынку комментарии «с подковыркой» насчет текущей драматической и беллетристической халтуры — Некрасов гнал один за другим свои театральные и литературные разборы. «Почтеннейшая публика» желала «воскресного фельетона» и «обозрения петербургских дач» — нацепив «передник» бойкого фельетониста, бывший лирик поставлял и это блюдо ей на стол. А когда вдруг «шутка с „Нашими“»²² пошла и удалась», когда жур-

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 583.

¹⁷ Там же. С. 584.

¹⁸ Ср. также общий «труженический» и «меркантильный» пафос в романе Некрасова и Н. Станицкого (А. Панаевой) «Три страны света» (1848—1849).

¹⁹ Цит. по: Лит. наследство. Т. 49—50. С. 203.

²⁰ Там же. С. 202.

²¹ Ср.: Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956. Т. 10. С. 275; Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 155—161, 173—174. См. также фельетоны Н. А. Некрасова первой половины 1840-х годов.

²² Имеется в виду серия бытописательных очерков А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими», начатая изданием в 1841 году и желавшая повторить успех предшествующего парижского «серийного» альманаха Л. Кюрмера «Французы в их собственном изображении».